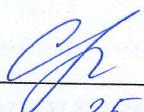

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
кафедра истории и мировой политики

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК

И.о. заведующего кафедрой
канд. ист. наук

 Г. Р. Суфиянова

25 июня 2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

ЧИНОВНИЧЕСТВО ТЮМЕНИ В 1802–1855 ГОДАХ

46.04.01 История

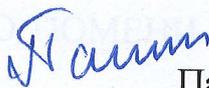
Магистерская программа: Историческая урбанистика

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

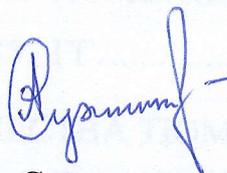
Бурый Алексей Максимович

Научный руководитель
д-р ист. наук

Пашин Сергей Станиславович

Рецензент
канд. ист. наук,
доцент кафедры гуманитарных
наук и технологий
Тюменского
индустриального университета

Суэтин Алексей Владимирович

Тюмень

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЧИНОВНИЧЕСТВО ГОРОДА ТЮМЕНЬ В 1802–1822 ГГ.....	28
1.1. СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ ЧИНОВНИЧЕСТВА	28
1.2. КАЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ ТЮМЕНСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА В 1802–1822 ГГ.	34
1.3. СРАВНЕНИЕ ТЮМЕНСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА.....	54
С ЧИНОВНИЧЕСТВОМ ДРУГИХ УЕЗДОВ В 1802–1822 ГОДАХ.....	54
ГЛАВА 2. РЕФОРМА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СИБИРЬЮ 1822 ГОДА	59
2.1. ПОПЫТКИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СИБИРЬЮ ДО РЕФОРМЫ 1822 ГОДА	59
2.2. РЕВИЗИЯ И РАЗРАБОТКА СИБИРСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ М. М. СПЕРАНСКИМ.....	62
2.3. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО СИБИРИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1822 ГОДА	66
ГЛАВА 3. ЧИНОВНИЧЕСТВО ТЮМЕНИ В 1823–1855 ГОДАХ.....	77
3. 1. СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ ЧИНОВНИЧЕСТВА	77
3. 2. КАЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ ТЮМЕНСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА В 1823–1855 ГГ.....	87
3. 3. СРАВНЕНИЕ ЧИНОВНИЧЕСТВА ТЮМЕНСКОЙ ОКРУГИ С ЧИНОВНИЧЕСТВОМ ДРУГИХ УЕЗДОВ В 1823–1855 ГОДАХ	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	129

ВВЕДЕНИЕ

Современные социально-экономические и политические процессы, происходящие внутри страны в последние десятилетия, актуализируют старые проблемы, связанные с организацией государственного управления на территории России, в том числе на местном уровне. Во время кризисных ситуаций неизбежно обостряются недостатки существующей модели управления, что приводит к сбоям в различных сферах государственной деятельности. Начинают нарушаться принципы стимулирования, ответственности, дисциплины, четкого исполнения принятых решений, строгого контроля и санкций [Новикова, с. 13].

Очевидно, что многие проблемы, которые стоят перед страной сейчас, были заложены в далеком прошлом. Поэтому исследователи пытаются найти в прошлом решения проблем, которые существуют в современном российском обществе, государстве. Вопросы, связанные с системой государственного управления, всегда волновали внимание исследователей, так как от структуры управления, количества управленцев, их компетентности в профильных отраслях, а также их подотчетности и подсудности во многом зависит благосостояние населения и развитие всей страны, отдельных её регионов и городов.

В данном контексте особое значение имеет первая половина XIX века, так как именно в этот период сложилась отраслевая система государственного управления. Из-за отдаленности от центра и местных особенностей на окраинных территориях Российской империи формировалась специфическая система местного управления, которая была призвана отвечать запросам государственной политики [Плех, 2016, с. 3].

Изучение исторического опыта административного устройства и функционирования органов местного управления Сибири в целом и уездного уровня, в частности, первой половины XIX века приобретает не только академическую, но и практическую значимость, поскольку удалённость от

центра, пестрый национальный состав и территориально-географические особенности создали специфические недостатки местного управления, которые оказывали негативный эффект для развития всего региона и отдельных его территорий. Именно в первой половине XIX века, учитывая особенности территории, правительство предприняло попытку модернизировать систему местного управления Сибири с целью повышения её эффективности. Однако недостаток материальных и людских ресурсов, а также консервативные взгляды правительства не позволили в полной мере добиться поставленной цели.

Учет как положительного, так и негативного опыта организации и реформирования системы местного управления позволит более обдуманно принимать решения о преобразованиях существующей административной системы во избежание негативных последствий. В связи с тем, что в исторических исследованиях изучались прежде всего губернские учреждения и их особенности, нами предпринята попытка изучить уездный уровень управления на территории Тобольской губернии, на примере Тюменского уезда в первой половине XIX века.

Объектом нашего исследования является административный аппарат Тобольской губернии.

Предметом исследования является чиновничество Тюменского уезда.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период с 1802 по 1855 гг. Нижняя граница выбранного периода, прежде всего, обусловлена тем, что именно с этого времени начали происходить реформы, направленные на усиление централизации государства и унификации системы государственного управления. Нельзя не учитывать и специфику нашего основного источника, а именно, тем, что его издание было возобновлено только в 1802 году, после издания именного указа Александра I [Арутюнян, с. 14].

В 1802–1811 гг. была проведена министерская реформа, которая привела к созданию отраслевой системы управления, что стало свидетельством начала процесса усиления централизации и увеличения бюрократического аппарата страны. В 1822 году было принято «Сибирское учреждение», которое, кроме

регламентирования и пересмотра административного устройства Сибирского края, должно было инкорпорировать институт генерал-губернаторства в отраслевую систему управления. Курс на бюрократизацию был продолжен и усилен при императоре Николае I. Поэтому верхняя граница изучаемого периода обусловлена смертью Николая I и последующими изменениями во внутренней политике государства, проведением многочисленных либеральных реформ.

Территориальные рамки данного исследования охватывают площадь города Тюмень, а также довольно небольшую административную территорию Тюменского уезда (округи), который по площади занимал последнее место среди территориальных образований Тобольской губернии. Его площадь составляла около 15500 кв. верст. На данной территории к 1797 году числилась 21 волость [Административно..., с. 22]. Однако необходимо учитывать тот факт, что органы местного управления сосредотачивались в уездных городах и ближайших волостях, которые зачастую находились на пересечении транспортных путей. Это дополнительно сужает территориальные рамки до площади самого города Тюмени и следующих волостей: Успенской, Каменской, Еланской и Покровской, так как именно в этих волостях присутствовали должности, отраженные в «Месяцеслове», например, частные комиссары земского суда.

Целью исследования является выявление особенностей количественного и качественного состава присутственных мест в уездном сибирском городе первой половины XIX века, на примере Тюмени.

Цель работы определяет следующие исследовательские задачи:

- проанализировать количественный состав органов местного управления и выявить его динамику;
- изучить характер и направление ротационных процессов чиновничества Тюмени;
- изучить особенности функционирования органов местного управления на территории Тюменского уезда;
- проанализировать влияние на уездное чиновничество Сибирской реформы М.М. Сперанского;

– провести сравнение уездного чиновничества Сибири и центральных губерний.

Источниковую основу нашего исследования составляют справочные издания в лице «Месяцеслова с росписью чиновных особ, или общий Штат Российской Империи». Данный справочник выпускался с 1765 года под названием «Адрес-календарь российский на лето от рождества Христова..., показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит». С 1768 года он получил более компактное название. В нем содержится информация как о самих должностях, располагавшихся на территории того или иного административного образования, так и перечислены имена, фамилии, отчества, звания и чины тех, кто эти должности занимал. Нами исследованы почти все сборники, относящиеся к хронологическим рамкам данного исследования, кроме сборника за 1817 год. Стоит отметить, что во время царствования Павла I данный справочник не выпускался. Александр I возобновил его печать спустя несколько месяцев после восшествия на престол [Полное собрание..., Т. 26, с. 697]. Место издательства – Санкт-Петербург. К минусам данного источника можно отнести то, что он выпускался в конце года, тогда как списки были датированы чаще всего концом предыдущего года. Соответственно, изменения, которые могли происходить в составе чиновничества в течение текущего года, там не отражены. Поэтому, исследуя данные «Месяцеслова», например, за 1803 год, мы фактически имеем дело с данными на конец 1802 года. Также нужно обратить внимание, что в данном источнике не отражены все присутственные места, а канцелярии присутственных мест уездного уровня представлены лишь секретарями, так как в «Месяцеслов» входили только те чиновники, чины которых входили в знаменитый «Табель о рангах» [Плех, 2020, с. 8].

Второй по важности группой источников являются нормативно-правовые акты, которые были включены в состав «Полного собрания законов Российской империи» первого и второго собраний и «Свод законов Российской империи». К самым важным можно отнести указ от 7 ноября 1775 г. «Об учреждениях для

управления Губерний Всероссийской империи», указ № 15.379 от 8 апреля 1782 года «Устав благочиния или полицейский устав», указ и указ от 22 июля 1822 г. «Учреждение для управления Сибирских губерний», так как именно эти законодательные акты отражали нормативную структуру и обязанности местного уездного управления в исследуемый период.

Третьей по важности группой источников является делопроизводственная документация различных присутственных мест Тюмени. Данная группа источников является самой многочисленной, благодаря им возможно восполнить недостающие сведения о составе местного управления [Иванов, с. 16] и выявить характерные особенности присутственных мест и их служащих. В целях их выявления проводилась работа в Государственном архиве Тюменской области, где отложились документы дореволюционных административных и судебных органов местного управления: Тюменский Уездной суд (Ф. И-30), Тюменский Земской суд (Ф. И-10), Тюменский уездной стряпчий (Ф. И-11), Тюменское уездное казначейство (Ф. И-81), Тюменский соляной пристав (Ф. И-25), Городская полиция города Тюмень (Ф. И-3), Тюменская ремесленная управа (Ф. И-14), Тюменский городской магистрат (Ф. И-41), Тюменский городской суд (Ф. И-216), Каменский частный комиссар (Ф. И-7), Успенский винокуренный завод (Ф. И-35).

К самым значимым архивным фондам можно отнести фонды Земского и Уездного судов Тюмени. В делопроизводственных материалах данных органов местного управления отложились сведения, в том числе, о злоупотреблениях уездных чиновников, конфликтных ситуациях с местным населением, состоянии здоровья отдельных чиновников, а также сведения о материальной базе данных учреждений и составе канцелярии. Материалы фонда Тюменского уездного стряпчего помогают установить методы контроля за уездными судебнополицейскими учреждениями со стороны губернских властей.

Делопроизводственная документация Уездного казначейства содержит информацию о размере расходов государства на уездные органы управления, в том числе окладов уездных чиновников и канцелярских служащих. Кроме того,

благодаря делопроизводственной документации можно более точно установить реальное время появления тех или иных органов местного управления на территории Тюменского уезда.

Методологической основой данного исследования стала *теория модернизации*, разработанная М. Вебером и получившая дальнейшее развитие в трудах современных исследователей. Основой данной теории является идея о сознательном саморазвитии традиционных обществ и их институтов. Институты традиционных обществ под воздействием определенных обстоятельств могут адаптироваться и изменяться.

В контексте нашего исследования необходимо отметить, что модернизация государственного аппарата прежде всего находит отражение в институционализации и повышении эффективности системы управления путем «рационализации бюрократии» за счет повышения её образовательного уровня и социальной мобильности [Гриценко, с. 10]. В свою очередь, «рациональная бюрократия» по Веберу — это та бюрократия, которая действует в соответствии с формальными правилами и использует в процессе управления специальные знания [Альпидовская, с. 86]. Данная теория позволяет понять, в какой степени социально-политические изменения общегосударственного масштаба, влияли на трансформацию местного управления Тобольской губернии в целом и на территории Тюменского уезда в частности.

В начале XIX века вновь начались процессы модернизации, которые должны были преодолеть отсталость страны путем использования более эффективных методов государственного управления. Принципы камерализма, заложенные в систему государственного управления при Петре I, были усилены при Александре I и Николае I. Это нашло свое выражение в министерской реформе 1802–1811 гг., которая заменила устаревшие коллегии на министерства с четко определенными полномочиями и зоной ответственности. Следствием этого стало усиление централизации власти и рост чиновничьего аппарата, который должен был обеспечить надлежащий контроль над всей территорией империи. Однако неоднородность территорий России в территориальном,

политическом, экономическом, этническом и прочих отношениях обуславливали вариативность модернизационных процессов на окраинных территориях.

В частности, в 1822 году под руководством М.М. Сперанского была проведена реформа, учитывающая различные особенности Сибирского региона, которая должна была поднять эффективность системы местного управления, повысить доходность региона. Фактически принятие «Сибирского учреждения» вписало регион в общеимперскую систему управления, но при этом законодательно закрепила его инаковость от остальной России. Это отразилось на организации местного управления, в том числе и уездного.

Для выявления особенностей местного управления Тюменского уезда использовался *структурно-функциональный анализ*. Согласно данному подходу, реальный объект описывается как совокупность взаимодействующих компонентов, а его необходимость обусловлена масштабностью и сложностью изучаемых систем [Крестьянников, с. 14]. В процессе анализа определяются состав и структура системы, ее функции, свойства, системообразующие факторы, взаимосвязи со средой [Юдин, с. 140].

Для практической реализации системного подхода и системного анализа первоначально требуется вычленение исследуемой системы из органически единой иерархии систем. В случае данного исследования уездная система управления вычленяется из губернской, которая в свою очередь является частью общероссийской системы управления. Аналогичным образом можно представить и территориальные границы исследования. Тюменский уезд является не только неотъемлемой частью Тобольской губернии, но и сам представляет из себя систему, которая состоит из города-центра и прилегающей территории, которая представлена волостями.

Для дополнения основных источников использовалась делопроизводственная документация присутственных мест Тюменского уезда. Периодически помимо сухой статистической информации встречаются материалы о проступках и состоянии здоровья чиновников. Поэтому мы

использовали подходы «микроистории». Главной отличительной особенностью «микроистории» является то, что во главу угла поставлена судьба малой социальной группы или даже отдельного «маленького» человека [Орлов, с. 4]. А не изучение больших социальных групп, процессов или известных личностей.

Особым преимуществом данного метода является то, что благодаря сужению поля наблюдения на уровне уезда, конкретного представительного органа, коллектива или даже конкретного чиновника микроисследования позволяют прийти к лучшему пониманию общих социальных связей и процессов, происходящих на более высоком уровне. Однако, в данном исследовании метод микроистории использован в качестве вспомогательного инструмента. Это связано как и с состоянием источниковой базы, так и с проблемой репрезентативности представленных материалов.

В работе применяются исторические методы исследования. Историко-генетический подход, осуществлен путем изучения изменений местного управления на территории Тюменского уезда и его качеств / характеристик. Историко-сравнительный метод реализован как в пространственном, так и временном измерениях. Он позволил сопоставить состояние системы уездного управления до и после реформы 1822 года, а также сравнить уездное управление Тюменского уезда с другими уездами Тобольской губернии и уездами «внутренних» губерний. Просопографический метод был использован для получения дополнительных сведений о присутственных местах уездного управления в рассматриваемый период.

Научная новизна магистерской диссертации заключается в следующем:

1) В первый раз чиновничество Тюменского уезда рассматривается отдельно от губернского управления Тобольской губернии. В отечественной историографии подобных исследований не проводились: изучалось либо чиновничество губернского уровня с эпизодическими упоминаниями об уездном чиновничестве, либо чиновничество какой-то одной отрасли на территории региона, губернии в целом.

2) Впервые изучаются особенности кадрового состава присутственных мест на территории Тюменского уезда в первой половине XIX века. Устанавливается их обусловленность тенденциям развития самодержавия в отношении системы управления государством в целом и к Сибирскому краю в частности.

3) В отношении источников новизна магистерской диссертации заключается в вовлечении научный оборот массива ранее незадействованных документов, как опубликованных, так и отложившихся в архивохранилищах.

Степень изученности данной проблемы на уездном уровне крайне мала, так как на протяжении долгого времени исследовательские работы обычно охватывали большие временные рамки и территории, пытались найти общие закономерности, характерные либо для всей страны в целом, либо крупной территориальной единицы – такой, как генерал-губернаторство или губерния. Благодаря этому, в отечественной исторической науке есть множество трудов, как монографических, так и диссертационных исследований, изучающих бюрократический аппарат в целом на макроуровне. Особое внимание уделялось отдельным высокопоставленным личностям губернского правления. Однако, как правило, чиновническому аппарату уездного уровня особого внимания не уделялось.

Историографию, посвященную проблеме чиновничества Российской империи в целом и Сибири, в частности, можно разделить на 3 периода: дореволюционную, советскую и современную.

Первые научные работы, посвященные чиновничеству окраинных территорий Российской империи, стали появляться во второй половине XIX века. Говоря о дореволюционном периоде, нужно принять во внимание, что исследователи были современниками изучаемого ими бюрократического аппарата. Многие из них сами были чиновниками, что не могло не сказаться на содержании данных работ [Гапонов, 2010, с. 418]. Во многих работах содержались предложения для повышения эффективности управления теми или иными территориями. Указывались ключевые недостатки существующей

системы управления. Большинство исследователей пыталось понять, почему сложилась именно такая ситуация в местном управлении. Сами работы, преимущественно, были написаны в историко-юридическом ключе, т. е., прежде всего, авторы рассматривали существующее законодательство, которое определяло административное деление территорий, структуру и деятельность административного аппарата на территории Сибири.

Большая часть работ была посвящена изучению общегосударственных механизмов управления, где особенности управленческой структуры Сибири упоминаются лишь эпизодически (А.В. Лохвицкий, В.М. Грибовский, В.М. Гессен и др.).

Начало изучению административного устройства губерний Российской империи было положено известным российским правоведом А.В. Лохвицким. Он уделяет внимание истории возникновения современной для него системы управления государством, а также сравнивает институты власти и административного устройства Российской империи с другими европейскими государствами [Лохвицкий, с. 93]. В контексте нашего исследования стоит упомянуть, что А.В. Лохвицкий говорил о том, что сибирские губернии имеют значительные отличия в составе суда и администрации, которые обусловлены социальными особенностями региона [Там же, с. 61], а именно тем, что сибирские губернии относятся к «чиновным» губерниям [Там же, с. 122].

Он отмечает, что на окраинных территориях, в том числе и Сибири, помещного дворянства не существовало, а немногие представители дворянского сословия зачастую либо являлись потомками чиновников, либо сами были чиновниками. Свою позицию А.В. Лохвицкий аргументирует тем, что большая часть дворян числилась как городские обыватели, а также общим количеством бывших крепостных на данных территориях. Из этого происходит важная особенность системы управления: возможность злоупотреблений в чиновных губерниях гораздо выше, так как отсутствовал выборный надзорный орган в виде дворянского самоуправления [Там же, с. 122–123].

В начале XX века вышла работа другого известного правоведа, В.М. Грибовского. Исследователь полагал, что особенности управления Сибирью происходят из-за удаленности территорий и этнического разнообразия населения, что выражается в усилении местных органов власти, а также создании специфических органов власти (институт генерал-губернаторства в Сибири, военное наместничество на Кавказе и др.). Стоит отметить, что В.М. Грибовский выделил сибирские губернии как особые, так как Тобольская и Томская губернии были подчинены непосредственно министерству внутренних дел (как и центральные губернии), а Иркутская и Енисейская губернии входили в состав Иркутского генерал-губернаторства [Грибовский, с. 149]. Это находило отражение в составе общего губернского присутствия. То есть автор обращает внимание на то, что к началу XX века неравномерность развития сибирских территорий по-прежнему была значительна.

В это же время вышла работа российского политика В.М. Гессена. Стоит отметить, что по большей части работа посвящена административному аппарату второй половины XIX века. Однако вначале автор сделал небольшую главу, посвященную становлению российской бюрократии. По мнению В.М. Гессена, бюрократия возникает тогда, когда формируется абсолютная монархия. Главная отличительная черта отечественной бюрократии от западноевропейской – в том, что отечественная бюрократия произошла из аристократии, а не в противовес ей, как это было в Европе [Гессен, с. 6].

Благодаря этому, сформировалось «страшное всемогущество служивого класса Московской и, позднее, Петербургской России». В Российском государстве служивый человек господствовал над народной массой, так как она находилась в политическом, социальном и экономическом рабстве. В.М. Гессен отмечает, что бюрократия XIX века возникла благодаря увеличению функций государственной власти. По его мнению, это, прежде всего, связано с полицейским государством времён Екатерины II. Для осуществления функций надзора были созданы новые государственные должности, что привело к стремительному росту бюрократии. Также автор отмечает главные недостатки

бюрократии, а именно: культ формализма, оторванность от общества и «олигархичность» (кастовая организация) [Там же, с. 15].

М.С. Александров рассматривает историю становления отечественной бюрократии, её эволюцию и особенности. Он придерживался весьма спорной идеи, что в России бюрократии вне поместного дворянства не существовало, как и землевладельческого класса вне бюрократии [Александров, с. 106]. Низшее, беспоместное чиновничество он отнес к категории «рабочих рук», которое переставало быть рабочими руками, когда получало видные должности. После этого чиновник становился дворянином и стремился стать землевладельцем. Также особенностью данной работы является явный марксистский характер.

Со второй половины XIX века стали появляться первые специальные работы, в которых изучается система управления окраинными территориями, в том числе, и Сибири.

Первой подобной работой является труд В.В. Ивановского. В данном исследовании, автором были выделены черты, характерные для окраинных территорий Российской империи. Например, большая, чем в «коренных» губерниях, децентрализация административного аппарата [Ивановский, с. 7]. Здесь В.В. Ивановский имеет в виду институт генерал-губернаторства, созданный во время правления Екатерины II, для децентрализации управления.

По его мнению, эта должность потеряла смысл после проведения министерской реформы 1802–1803 гг. [Там же, с. 9]. Касаемо более низкого уровня административного устройства территорий, В.В. Ивановский отмечает, что государство стремится установить такое же деление, как и в «коренных» губерниях: губерния-уезд-волость-сельские общества. Однако, это не всегда представляется возможным. В виду этого автор предполагает, что нужно создать особое управление, которое было бы связующим звеном между губернским и уездным управлением, а вместе с тем и особое административное деление, какими являлись Сибирские области. Но при этом он говорил о том, что число самостоятельных учреждений на окраинных территориях крайне невелико [Там же, с. 35].

Касаемо уездного уровня управления, В.В. Ивановский подчеркивал, что круг деятельности полицейских учреждений на территории Сибири более обширен, чем в центральных губерниях. Помимо прочего, автор впервые затрагивает особенности именования административно-территориальных единиц и должностей на территории Сибири [Там же, с. 36]. Он приходит к выводу, что отличные от центральных губерний наименования встречаются на территориях, которые занимают особенное положение и администрация которых имеет особенное значение.

В.В. Ивановский выделил и общие особенности бюрократии: 1) бюрократия имеет тесную связь с организацией власти в обществе; 2) четкое иерархически построенные социальные роли, закрепляемыми рангами, единообразным толкованием административных норм от центра во всех направлениях бюрократического организма; 3) стройностью целого и подвижностью частей; 4) внутренней планомерностью деятельности; 5) быстрым количественным ростом состава, даже в условиях кризисов; 6) особой групповой психологией [Ивановский, 1903, с. 5-10].

Другой важной работой данного направления является труд одного из основателей областничества Н.М. Ядринцева. Исследователь посвятил целую главу особенностям управления Сибирью и реформе М.М. Сперанского. Н.М. Ядринцев отмечал, что управление сибирскими территориями всегда было сопряжено с большими трудностями. Это было связано как с удаленностью Сибирь от центра страны, так и с рядом особенностей, которые сложились на территориях Сибири в процессе её колонизации [Ядринцев, с. 469]. В их числе большое этническое разнообразие коренного населения, а также соседство с другими государствами. Из-за удаленности от центра невозможно было организовать надзор за администрацией Сибири, что приводило к произволу, самовластию и развитию злоупотреблений на местах.

Н.М. Ядринцев особое внимание уделяет Сибирской реформе М.М. Сперанского. Однако он приходит к выводу, что реформа не имела заметных результатов. По его мнению, при старых условиях и при той обстановке

(отсутствие необходимых учреждений, поголовное невежество общества, злоупотребление исполнителями) М.М. Сперанский не мог произвести существенных изменений в принципах работы административного аппарата в Сибири. Также Н.М. Ядринцев заметил, что после проведения ревизии основные санкции против чиновников, осуществлявших злоупотребления, были довольно мягкими [Там же, с. 500].

На рубеже XIX–XX веков под авторством С.М. Прутченко вышло первое специальное исследование, посвященное системе управления сибирскими окраинами. Исследователь подробно разбирает реформу 1822 года и её реализацию. Подводя итог анализу Сибирского учреждения, С.М. Прутченко, приходит к выводу, что на развитие сибирского управления значительное влияние оказывало развитие общерусского управления в ядре государства. В частности, исследователь подчеркивает, как сильно сдерживало развитие региона существовавшее в коренных губерниях крепостное право. Реализация реформы, по мнению исследователя, прошла неудачно: «даже официальные ревизии свидетельствовали о “безжизненности” важнейших установлений, организованных по Сибирскому учреждению, произнося тем самым весьма суровый приговор самой системе управления края» [Прутченко, с. 390]. Отметим, что важность исследования С.М. Прутченко, помимо прочего, состоит в публикации большого количества источников, связанных с разработкой и реализацией «Сибирского учреждения» 1822 года.

Стоит отметить, что в дореволюционный период появились первые работы историко-биографического плана, посвященные видным административным деятелям Сибири, одним из которых был М.М. Сперанский. Например, В.И. Вагин пришел к критическому осмыслению опыта административного управления Сибирью. В контексте нашего исследования стоит отметить замечание В.И. Вагина о том, что при генерал-губернаторе Пестеле велось открытое гонение на неуместных чиновников, в том числе и уездного уровня [Вагин, с. 6]. Стоит отметить, что В.И. Вагин обратил внимание на то, что М. М. Сперанский 22 марта 1822 года выпустил распоряжение, согласно которому

нижние чины в гражданской службе должны назначаться военным начальством в отсутствие генерал-губернатора. Однако большая часть работы затрагивает перестановки в Иркутской губернии.

Как показывают данные примеры, дореволюционная историография рассматривала чиновничество с различных сторон. Появились работы, которые выделили бюрократию в отдельный общественный класс. Однако стоит отметить, что, в общем и целом, исследования имели историко-правовой характер и рассматривали общие особенности устройства окраинных территорий империи. Но уже тогда появились первые специальные исследования, посвященные истории Сибири в целом и системе управления, в частности. Большая часть работ появилась в конце XIX — начале XX века, что, скорее всего, связано с критическим осмыслением либеральных реформ 60-х годов XIX века.

После революции акцент в теме изучения чиновничества сместился к проблемам эксплуатации и классовой борьбы. Из разнообразных подходов к рассмотрению управления и чиновничества Российской империи единственным верным был признан марксистский подход [Гапонов, 2011а, с. 14]. Одно из базовых положений было озвучено В.И. Лениным: «Бюрократия есть орудие привилегированного класса». В.И. Ленин обратил внимание на тесную связь между чиновниками высшего и среднего звена с буржуазией и дворянством.

Из-за мощного идеологического давления на историческую науку тема чиновничества в советской историографии потеряла свою актуальность на несколько десятилетий. Например, А.С. Гапонов объясняет отсутствие исследований по теме чиновничества в советской историографии первой половины XX века тем, что отечественная историческая наука утратила плюрализм социального познания, а также тем, что с исчезновением Российской империи исчезли и управленческие структуры, которые нуждались в реформировании, соответственно тема потеряла былую актуальность [Гапонов, 2011б, с. 150].

Во второй половине XX века стали появляться работы, посвященные истории общественно-политической мысли страны. Причиной этому послужил

начавшийся с 1956 года процесс десталинизации, что открыло для советских историков простор для новых исследований. Также стали постепенно открываться архивы, поэтому историки получили новую информацию для осмысления.

В 1960-е появилась обобщающая работа (учебное пособие) Н.П. Ерошкина, в которой он, в числе прочего, осветил особенности управления национальными окраинами и административно-территориальное устройство Сибири в первой половине XIX века. По мнению исследователя, специфика управления отдельными национальными окраинами определялась местными задачами царизма. Н.П. Ерошкин связывает начавшийся процесс изменения системы управления сибирскими территориями в XIX веке с ростом населения, возрастанием значения Сибири как места ссылки, а также изменениями в социально-экономической жизни нерусских народов [Ерошкин, с. 193].

Анализируя преобразования 1822 года, автор резюмирует, что реформа упорядочила препровождение ссыльных в Сибирь и их размещение, а также усложнила систему управления нерусскими народами. Всё это привело к усилению местной администрации, «которая в осуществлении колониальной эксплуатации местного населения опиралась на родоплеменную и феодальную верхушку сибирских народов» [Там же, с. 194].

Другим важным событием этого периода является выпуск 5-томной «Истории Сибири». Как отмечают исследователи, важность этой фундаментальной работы состоит в том, что она помогла выявить белые пятна в истории региона. В частности, в данном труде не затрагивались особенности местного управления в конце XVIII — начале XIX вв. [История Сибири..., т. 2, с. 100].

В 1970–1980-е гг. количество исследований, посвященных чиновничеству, стало возрастать. В том числе начали появляться региональные исследования, посвященные истории управления и чиновничеству отдельных регионов. Постепенно акцент в исследованиях стал смещаться от системы управления к людям, которые составляли её основу – чиновникам.

Одним из главных трудов этого периода является книга П.А. Зайончковского. В данном исследовании впервые был проведен широкий анализ социального состава чиновничества Российской империи. Исследователем был изучен уровень материального обеспечения и образования, численный состав чиновничества и характер изменений, происходивших в системе управления, на протяжении нескольких веков. Историк использовал широкий круг не опубликованных на тот момент источников. Опираясь на статистические данные, он доказал, что в течение XIX века росли официальные оклады не только высшего и среднего чиновнического звена, но и младшего [Зайончковский, с. 88].

П.А. Зайончковский подробно изучил процессы чинопроизводства в первой половине XIX века. Исследователь пришел к выводу о том, что уже в начале XIX века «Табель о рангах» изжил себя, а чины превратились в нечто архаичное, не отвечающее требованиям времени. При анализе окраинных территорий Российской империи он уделил особое внимание высшим должностным лицам и их компетенциям: генерал-губернаторам, губернаторам и вице-губернаторам.

В этот же период вышла работа Л.Е. Шепелева, имеющая справочный характер. В ней автор даёт пояснения о чинах, званиях и титулах, существовавших в дореволюционной России. Он отмечает ряд особенностей в чинопроизводстве, которые сложились на протяжении веков. А именно, то, что с начала XIX века для гражданских служащих реально использовали только 12, а не 14 чинов, что было закреплено законодательно в 1811 и 1834 годах [Шепелев, с. 55].

Помимо монографий, тема чиновничества, в том числе и местного, стала обсуждаться на научных конференциях. Например, в середине 1970-х гг. на конференции в Тобольске был представлен доклад В.В. Рабцевич, посвященный социальному составу сибирской администрации конца XVIII — начала XIX вв. Автор доказала на основе формулярных списков, что значимую роль в формировании местного чиновничества Сибири играли отставные военные.

Однако вывод, который был сделан В.В. Рабцевич на основе этого факта, нельзя назвать бесспорным. А именно, что «этот факт свидетельствует о тесной связи армии и бюрократии, как главных инструментов подавления трудящихся масс» [Рабцевич, с. 51].

В конце 1980-х гг. тема сибирского чиновничества стала исследоваться в диссертационных исследованиях. Например, И.Б. Маркова изучила особенности системы управления Сибирью в 20-60-е гг. XIX века. Исследователь в том числе рассмотрела вопрос о проектах и предложениях по реформированию Сибирского карая в период 1820-1840-х гг. [Маркова, с. 25]. Критики подверглись коллегиальные органы, введенные «Сибирским учреждением» 1822 года. И.Б. Маркова отмечает, что губернские советы фактически превратились в губернаторские канцелярии, а коллегиальное обсуждение дел замедляло и запутывало управление. По мнению исследователя, неудачная реализация принципа коллегиальности была связана с тем, что советы разных уровней состояли только из чиновников, а сибирское общество не было представлено в данных органах [Там же, с. 45].

В это же время появилась работа С.В. Мироненко, посвященная изучению политического устройства Российской империи XIX века. Однако автора интересуют изменения в высших органах управления империей и личная связь высших должностных лиц с императором. С.В. Мироненко заключает, что для первой четверти XIX века было характерно «отсутствие контроля за исполнением решений властей, произвол и повсеместная коррупция на местах – это есть отличительные черты самодержавной власти того периода» [Мироненко, с. 58].

Таким образом, тема чиновничества в советской историографии рассматривалась, прежде всего, на уровне высших должностных лиц и структур, которые были близки к императорскому двору. В то же время, стали появляться первые региональные исследования, в том числе и диссертационные, в которых рассматривались специфические черты в системе управления сибирскими губерниями.

В связи с идеологическим давлением на всю науку и историю, в частности, проблема чиновничества, освещалась только с использованием марксистского подхода. Однако стоит отметить, что важным достижением в освещении темы чиновничества в советской период стало использование широкого спектра архивных источников (формулярные списки и послужные списки), что увеличило количество статистических данных, которые позволили рассмотреть данную тему в новом ракурсе. Благодаря такому подходу, изучению стали подвергаться не только чиновники высшего звена, но и чиновники младших звеньев. В частности, советскими исследователями впервые были затронуты вопросы их происхождения, численности и материального положения.

Постсоветский период знаменуется совершенно иными взглядами и подходами к проблеме изучения чиновничества. Общий кризис коммунистической идеологии и широкая демократизация сменила акцент отечественных ученых на профессиональные качества, социокультурные и личностные характеристики чиновничества.

В 1990-х гг. тема чиновничества Российской империи получила освещение в статьях. Как правило, данные работы носили историко-социологический характер. Например, Л.Ф. Писарькова рассмотрела карьерную лестницу и условия службы чиновников конца XVIII–начала XIX вв. Автор отмечает, что в среднем для получения чина коллежского регистратора, у служащего, начавшего свою карьеру копиистом, уходило 10–15 лет. Также Л.Ф. Писарькова акцентирует свое внимание на межличностных отношениях внутри чиновничества. Она говорит о том, что начальство обращалось со своими подчиненными так же, как и с крепостными. Л.Ф. Писарькова заключает, что формирование чиновничества XIX века происходило в следующих административных условиях: 1) строгой дисциплины; 2) четкого разграничения служебной иерархии; 3) признании высшего авторитета – неограниченной власти императора [Писарькова, с. 48]. Всё это, по её мнению, отразилось на нравственных качествах российского чиновничества.

В формате статьи В.Е. Зубов попытался выяснить численность местного аппарата управления на территории Западной Сибири в первой половине XIX века. Автор поднимает важную терминологическую проблему. Кого стоит относить к «чиновникам», что такое «государственная служба» и «государственный аппарат» в первой половине 19 века [Зубов, с. 53]. В данной статье под чиновниками понимались все работники государственного аппарата. Исследователь разделил чиновников гражданского ведомства на 2 группы: члены присутствий и канцелярские чиновники. Канцелярские чиновники состояли в свою очередь из канцелярских чиновников (имеющие табельный чин) и канцелярских служителей. Из выводов стоит отметить расчеты В.Е. Зубова, согласно которым в период 1822–1837 гг. численность губернского аппарата управления Тобольской губернии возросла на 63,5 %, тогда как уездного и городского управлений – только на 4,4 % [Там же, с. 56]. Исследователь выявил дефицит кадров, который существовал в Тобольской губернии на протяжении рассматриваемого периода.

На современном этапе тема местного управления в Сибири и чиновничества, в частности, рассматривается в нескольких направлениях. Часть современных исследователей рассматривает чиновничество как субъект государственного управления. Например, к такому подходу можно отнести работу Б.Н. Миронова. Он отмечает, что различия в подсчетах численности чиновничества, имеющиеся в литературе, обусловлены тем, что разные авторы придерживаются разных взглядов на то, кого считать чиновниками [Миронов, т. 2, с. 199]. Б.Н. Миронов отмечает, что особенно быстро рост чиновничества происходил в годы правления Петра Великого, Александра I и Николая I. По его мнению, это было связано с тем, что для масштабного реформирования различных сфер общественной жизни требовалось повышение роли государства. Это неизбежно приводило к росту числа чиновников.

Историко-политическое направление представлено трудами Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, А.В. Ремнева. В данных исследованиях основной

акцент сделан на изучении политики самодержавия по отношению к Сибири, особенностях инкорпорации региона в общероссийскую систему управления.

И.Л. Дамешек доказывает, что при разработке основ окраинной политики в первой половине XIX века правительство Российской империи руководствовалось принципами регионализма, а во второй половине – жестким централизмом, который выражался в унификации окраин с основной территорией. Усложнение задач государства вынуждало правительство искать оптимальный вариант взаимодействия с окраинными территориями. Переломным моментом во взаимодействии центра и периферии, по мнению исследователя, стал 1822 год, когда было принято «Сибирское учреждение». Оно стало наиболее полным комплексом регионально-территориального законодательства империи [Дамешек, 2006, с. 317].

К этому же подходу относиться коллективная работа под редакцией А.В. Ремнева и Л.М. Дамешка. Авторы рассматривают Сибирь в различных аспектах. Однако, в части, посвященной управлению территориями, авторы акцентируют своё внимание на губернских органах управления, значимых деятелей сибирской администрации и их деятельности [Сибирь в составе..., с. 80–100]. Исследователи в том числе, разбирают ситуацию в низовом звене сибирского управления после 1822 года. Они отмечают, что общие окружные управления были установлены только в 10 из 40 сибирских округов, а установить общий надзор за деятельностью окружных чиновников так и не удалось. Власть земского исправника осталась преобладающей и мало контролируемой. Но фактически, заведование земским судом находилось в руках секретаря, так как исправники и заседатели находились в постоянных разъездах [Там же, 100].

В своем диссертационном исследовании А.В. Ремнев отмечает, что местные органы власти, созданные во время правления Екатерины II, в основе которых лежал принцип децентрализации управления, вступали в явные противоречия с политикой централизации и бюрократизации государственного аппарата начавшейся с правления Павла I [Ремнёв, с. 79]. Это отчетливо

проявилось во время создания министерств и при установлении отраслевого управления на местах.

Историко-юридический подход на современном этапе представлен исследованиями Н.В. Гриценко. Исследователь рассматривает особенности организации управления в Tobольской губернии. Например, характеризуя период 1802–1822 гг. в Tobольской губернии, автор приходит к выводу, что система местного управления трансформировалась в сторону усиления принципа единоначалия в связи с министерской реформой. Также в этот период наблюдалось усиление внимания со стороны самодержавия к управлению окраинными территориями.

Анализируя сибирскую реформу М.М. Сперанского, Н.В. Гриценко приходит к выводу о том, что главное изменение в губернском управлении состояло в реорганизации губернаторской должности [Гриценко, с. 18], потому что эта должность перешла из сферы активного управления к общему правительственному надзору. Однако, в данной работе исследуются, в основном, губернские органы управления, их взаимоотношения друг с другом, а также изменения количественного и качественного состава этих органов.

Отдельно стоит отметить исследования, посвященные изучению судебной власти в регионе XIX — начала XX вв. (Е.А. Крестьянников, С.В. Чечелев). Основное внимание в данных исследованиях уделено изучению вопросов изменения и совершенствования административного законодательства второй половины XIX века, а также проблем описания процесса возникновения, развития и преобразования государственного аппарата, всех элементов государственного механизма и соответствующих им органов власти в Сибири. Но исследователи, в том числе, уделяют внимание особенностям дореформенного судебного устройства.

Например, С.В. Чечелев приходит к выводу о том, что в первой половине XIX века судебная власть в регионе была тесно связана с административной, а сам процесс судопроизводства носил обвинительно-розыскной характер. Однако в целом она соответствовала общероссийской судебной системе, так как её

правовой основой являлось «Учреждение для управления губерний» 1775 года [Чечелев, с. 11].

Е.А. Крестьянников отмечает, что «запутанная система судебных и судебно-административных органов была далека от населения... главное её назначение – уголовное судопроизводство и розыск преступников, ограничивало возможность выносить справедливые решения» [Крестьянников, с. 78]. Закрытые заседания, ревизионный порядок пересмотра приговоров создавали почву для злоупотреблений судебных чиновников, на которых не могли оказать влияния ни администрация, ни стряпчие.

В настоящее время появляются исследования, посвященные изучению деятельности М.М. Сперанского в области местного управления. М.В. Пекшева отмечает, что одним из главных нововведений М.М. Сперанского в управление Сибирью является создание областного совета при генерал-губернаторе, состоящего из высокопоставленных военных, которые не были связаны с системой управления и соответственно были независимы от местных органов власти [Пекшева, с. 15].

В начале 2000-х появилось первое специальное историографическое исследование по вопросам сибирского управления в XVIII — начале XIX века. А.Ю. Кошкарлов изучил литературу, посвященную анализу губернского управления на территории Сибири. Из интересных выводов автора можно отметить следующий: «исследования XIX – начала XX вв. не утратили актуальности и в наше время» [Кошкарлов, с. 12]. С этим выводом трудно не согласиться, так как большинство концептуальных подходов в изучении данной темы были разработаны ещё в позднеимперской историографии.

Другим значимым историографическим трудом стала кандидатская диссертация А.С. Гапонова. Главным отличием от работы А.Ю. Кошкарлова является то, что А.Ю. Гапонов рассматривает труды, прежде всего, посвященные изучению управления и чиновничества Сибири на протяжении всего XIX века [Гапонов, 2011б, с. 25].

Таким образом, основным нововведением отечественной историографии постсоветского периода стало использование современных методов исследования, разработанных за рубежом. Однако, как можно увидеть в историографическом обзоре, многие актуальные проблемы изучения чиновничества поднимались ещё в досоветской историографии. Поэтому одним из главных достижений современных исследователей состоит в том, что они вновь стали изучать субъективную сторону чиновничества (нравственный облик, психологические, черты их быт, взаимоотношения друг с другом и т.д.), но уже с использованием большего количества источников личного происхождения (мемуаров, дневников чиновников), а также большого объема ещё не учтенной информации, содержащейся в формулярах, послужных списках и т.д.

Говоря об иностранной историографии, необходимо отметить, что зарубежных авторов интересуют общеимперские процессы бюрократизации России в XIX веке (М. Карпович, Н. Торке, В. Пинтнер). Обращает на себя внимание то, что значительная часть исследователей являются выходцами из Российской империи. Например, М. Крапович, рассматривая историю Российской империи XIX–начала XX вв., отмечает, что современная российская бюрократия была рождена в первой четверти XIX века при проведении Министерской реформы [Карпович, р. 18]. Х. Торке в своей статье поднимает вопрос о взаимоотношении бюрократии и общества в России в дореформенный период. По мнению исследователя, российской бюрократии свойственна идеология личного интереса, которая отождествляется с государственным [Torke, s. 330].

В. Пинтнер, анализируя социальный состав российской бюрократии середины XIX века, приходит к выводу, что ставка правительства на дворянское сословие в государственном управлении была обусловлена уровнем и возможностью получения образования данным сословием [Pintner, p. 441]. По мнению исследователя, при всех недостатках, существовавшая на тот момент бюрократическая система была удобна для центральной власти, так как она была лояльна.

В 1957 году вышла работа М. Раева, посвященная реформе М.М. Сперанского 1822 года. В данном исследовании автор затрагивает проблемы административного устройства Сибири первой половины XIX века и деятельность М. М. Сперанского на посту генерал-губернатора. Из интересных утверждений можно отметить то, что одной из причин реформирования системы управления Сибирью в первой четверти XIX века стали латиноамериканские революции [Raeff, p. 52]. Таким образом, внимание зарубежных исследователей привлекал феномен «российского чиновничества» и его социальный состав.

Историографический обзор показывает, что постановка и решения проблем, связанных с функционированием и развитием управления Российской империи в целом и местного управления Сибири, в частности, продиктованы тенденциями развития исторической науки. Становится всё более заметным активный рост исследований, рассматривающих чиновничество регионального и губернского уровня, однако серьезному изучению, как и прежде, подвержены только высшие бюрократические круги (столичные органы и губернское управление). Поэтому тематика чиновничества не является исчерпанной, так как в полной мере в исторической науке практически не исследовалось уездное звено местного управления Сибири.